

Книгоиздательство „УТРО“

Подъ редакціей И. А. Бълоусова.

Б 99

Handwritten: Д. 39 / 191

Ив. Бунинъ.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. д.
Москва—1909.

1625

Handwritten: 8. 1. 25.

16914

Handwritten signature

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
Н. И. ДУЖИНА

Ф14686-35

БИБЛИОТЕКА
"КУЛЬТУРА"

Мван. Бунинъ

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА
Института Народного
Образования
им. А. Л. Шанярскаго

БИБЛИОТЕКА
Педагогических курсовъ
Имени КОРОЛЕВЪХЪ
при Университетѣ
ШАНЬВСКОГО

АВТО

I

ПРОСЬБА НЕ ВЗЯТЬ ИЗ КНИГАХЪ ИЛИ
ПОДАВАТЬ ИХЪ ДРУГЪМЪ.

Въ роцѣ.

Тамъ иволга, какъ флейта, распѣвала,
Тамъ утреннее солнце пригрѣвало
Трудъ муравьевъ—живые бугорки.
Вдругъ пѣгая лягавая собака,
Тропинкой добѣжавъ до буерака,
Залаяла. Я быстро взвелъ курки.

Змѣя? Барсукъ?—Плетенка съ костяникомъ!
А на березѣ дѣвочка—и дикій
Испугъ въ лицѣ и глазкахъ: надъ ручьемъ
Дугой береза бѣлая склонилась—
И вотъ она вскарабкалась, схватилась
За стволъ и закачалась на немъ.

Поспѣшно повернулся я, поспѣшно
Пошелъ назадъ... Младенчески безгрѣшно
И радостно откликнулась душа
На этотъ ужасъ милый... Вся нестрѣла
Березовая роща, флейта пѣла—
И жизнь была, какъ утро, хороша.

Сиротка.

Шла сиротка пыльною дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встрѣтился прохожій, глянулъ строго,
Къ мачехѣ велѣлъ ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстрѣчался ангелъ, глянулъ кротко
И потупилъ ангельскія очи.

По пригоркамъ шла сиротка—стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встрѣтился Господь у перевала,
Глянулъ милосердно и любовно.

«Не трудись,—сказалъ Онъ,—не разбудишь
Матери въ ея могилѣ тѣсной:
Ты Моей, сиротка, дочкой будешь»—
И увелъ сиротку въ рай небесный.

Христя.

Христя угощаетъ куколь на сговорѣ—
За степною хатой, на сухихъ бахчахъ.
Степь въ горячемъ блескѣ млѣетъ точно море,
Тыквы свѣтятъ мѣдью въ солнечныхъ лучахъ.

Собрались сосѣдки къ старой бабѣ Христѣ.
Пропиваютъ дочку—чай и водку пьютъ.
Дочка—въ разноцвѣтной плахтѣ и въ монистѣ,
Всѣ ее жалѣютъ—и поютъ, поютъ!

Подъ степною хатой, въ жаркомъ ароматѣ
Спѣлаго укропа, возятся въ золѣ
Желтые цыплята. Мать уснула въ хатѣ,
Бабка—въ темной клунѣ, тыквы—на землѣ.

На току.

Старикъ у хаты вѣяль, подкидываль лопату,
Какъ разъ къ святому Спасу покончивъ съ молотьбой.
Старуха въ черной плахтѣ бѣлила мѣломъ хату
И обводила окна каймою голубой.

А солнце, розовѣя, въ степную пыль садилось—
И тѣни ногъ столбами ложились на гумно,
И хата молодѣла—зардѣлась, застыдилась—
И празднично блестяло протертое окно.

Няня.

Въ старой темной дѣвичьей,
На пустомъ ларѣ,
Сѣла, согрѣвается...
Лунно на дворѣ,
Иней синимъ бисеромъ
На окнѣ блестить,
Надъ столомъ висячая
Лампочка коптитъ...
Что-то вспоминается?
Отчего въ глазахъ
Столько скорби, кротости?..
Лапти на ногахъ,
Голова закутана
Шалью набивной,
Полушубокъ старенькій...
«Здравствуй, другъ родной!
Что жъ ты не сказала?»
Поднялась, трясеть
Головою дряхлою

И къ рукѣ идетъ,
Кланяется низенько...
«Въ домъ иди». — «Иду-съ».
«Какъ живется-можется?»
— «Что-то не пойму-съ».
«Какъ живешь, я спрашивалъ,
Все одна?» — «Одна-съ».
«А невѣстка?» — «Въ городѣ-съ.
Позабыла насъ!»
«Какъ же ты съ внучатами?»
— «Такъ вотъ и живу-съ».
«Насъ-то вспоминала ли?»
— «Всѣхъ какъ наяву-съ».
«Да не то: не стыдно ли
Было не придти?»
— «Боязно-съ: а ну-ко-ся
Да помрешь въ пути».
И трясетъ съ улыбкою,
Грустной и больной,
Головой закутанной,
И слѣдитъ за мной,
Ловить губъ движенія...
«Ну, идемъ, идемъ,
Тамъ и побесѣдуемъ,
И чайку попьемъ».

Въ Москвѣ.

Отрывокъ.

Здѣсь, въ старыхъ переулкахъ за Арбатомъ,
Совсѣмъ особый городъ. Я живу
Въ какомъ-то ветхомъ домикѣ и, право,
Весьма доволенъ этимъ. Въ мезонинѣ
И холодно, и низки потолки,
Не мало крысъ, но по ночамъ—чудесно.
Днемъ—ростепель, капли, грѣтъ солнце,
А ночью подморозить, станетъ чисто,
Свѣтло—и такъ похоже на Москву
Старинную, далекую. Усядусь,
Огня не зажигая, возлѣ оконъ,
Облитыхъ луннымъ свѣтомъ, и смотрю
На садъ, на звѣзды рѣдкія... Какъ нѣжно
Весной ночное небо! Какъ спокойна
Луна весною! Теплятся, какъ свѣчи,
Кресты на древней цѣрковкѣ... Сквозь вѣтви
Въ глубокомъ небѣ весело сіяютъ,
Какъ золотые кованые шлемы,
Головки мелкихъ куполовъ.....

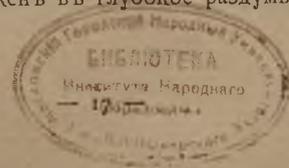
II

Изъ „Золотой Легенды“.

Лонгфелло.

Однажды утромъ
По вѣковому сумрачному лѣсу
Изъ древнихъ сѣрыхъ стѣнъ монастыря
Съ задумчиво поникшей головою
И тихою молитвой на устахъ
Шелъ инокъ Феликсъ.

Былъ зноенъ лѣтній воздухъ, а зеленый
Тѣнистый лѣсъ напоминалъ святую
И мирную обитель. Золотые
Лежали мхи среди деревьевъ, вѣтви
Какъ бы творили знаменье креста,
Качаясь и шепча свои молитвы,
И разливался сладкій нѣжный запахъ
Лѣсныхъ цвѣтовъ и виноградныхъ лозъ,
Тянувшихся по сучьямъ къ свѣту солнца.
Но инокъ Феликсъ
Былъ погруженъ въ глубокое раздумье:

Его глаза
Покоились на книгѣ Августина,
Гдѣ онъ прочелъ
О дивномъ и незримомъ Божьемъ Градѣ
Въ далекой и невѣдомой странѣ.
«Всѣмъ сердцемъ вѣрю
Въ Твои дѣянья, Господи,—сказалъ онъ,
Но не могу постигнуть ихъ».—И вдругъ
Въ лѣсу раздался голосъ,—дивный голосъ
Какой-то птицы, райски-бѣлоснѣжной,
Упавшей точно съ неба и запѣвшей
Столь сладостно, столь звучно, точно струны
Несмѣтныхъ арфъ. И Феликсъ,
Остановясь, закрылъ святую книгу
И долго, долго
Стоялъ въ лѣсу недвижимъ, восхищенный,
Доколѣ не увидѣлъ, какъ во снѣ,
Небеснаго убѣжища Блаженныхъ
И ангеловъ, ходящихъ въ Божьемъ Градѣ
По золотымъ, по звучнымъ плитамъ улицъ.
Онъ всей душой
Хотѣлъ поймать таинственную птицу,
Но птица по холмамъ и по доламъ
Все далѣе и далѣе летѣла—
И Феликсъ вмѣсто сладостнаго пѣнья
Вдругъ услышалъ далекій звонъ, зовущій
Къ полуденной молитвѣ,—и поспѣшно
Въ обитель возвратился. Что жъ онъ видитъ?
Онъ узнаетъ знакомыя мѣста,

Шпиць колокольни, пасмурныя стѣны
Изъ сѣраго гранита, кельи, вышки,
Но, вглядываясь въ братію, не видитъ
Ни одного знакомаго: повсюду
Чужія непривѣтливыя лица,
И новые для слуха голоса
Поютъ хвалы подъ голоса органа.

И всѣмъ чужой,
Межъ старыми дубовыми скамьями,
Стоялъ въ толпѣ монаховъ инокъ Феликсъ.
«Я сорокъ лѣтъ
Живу въ лѣсной обители,—промолвилъ
Одинъ изъ нихъ,—но этого лица
За сорокъ лѣтъ я никогда не видѣлъ».

Похолодѣвъ отъ страха, Феликсъ робко
Сказалъ въ отвѣтъ: «Окончивъ Первый Часъ,
Я нынче утромъ вышелъ за ворота
И долго шелъ, влекомый сладкимъ пѣньемъ
Какой-то бѣлоснѣжной дивной птицы,
Пока вдали
Не услыхалъ полуденнаго звона.
Я былъ какъ бы во снѣ:
Часы мнѣ показались краткимъ мигомъ».

«Года!»—сказалъ монахъ,
Сидѣвшій за дубовой темной партой
Подъ каменной стѣною. Это былъ

Старѣйшій между всѣми. Онъ столѣтье
Провелъ въ лѣсу, въ святомъ служеніи Богу,
Онъ вспомнилъ голосъ Феликса, всмотрѣлся
Въ его лицо и медленно промолвилъ:
«Сто лѣтъ назадъ,
Когда я былъ послушникомъ, былъ въ этой
Обители, хранимой Богомъ, инокъ,
Весьма Ему угодный и посившій
Святое имя: Феликсъ. Это Феликсъ».

И вынесли на свѣтъ
Изъ пыльнаго скрипторіума книгу,
Огромную, оправленную мѣдью
И темной кожей дикаго медвѣдя,
Въ которой отмѣчались имена
Всѣхъ иноковъ, здѣсь жившихъ и умершихъ,
И тамъ прочли
Все сказанное старцемъ: что столѣтье
Тому назадъ, въ такой-то день и мѣсяцъ,
Ушелъ изъ врагъ обители братъ Феликсъ
И подъ ея благословенный кровъ
Ужъ больше не вернулся—слылъ умершимъ,
И, прочитавъ, признали, что ему,
Плѣнному безсмертной райской пѣсней,
Воистину казался вѣкъ мгновеньемъ.

Годива.

Поэма А. Теннисона.

Я въ Ковентри ждалъ поѣзда, толкаясь
Въ толпѣ народа по мосту, смотрѣлъ
На три высокихъ башни—и въ поэму
Облекъ одну изъ древнихъ мѣстныхъ былей.

Не мы одни—плодъ новыхъ дней, послѣдній
Посвѣвъ Временъ, въ своемъ нетерпѣливомъ
Стремленіи въ даль злословящій Былое,—
Не мы одни, съ чьихъ праздныхъ устъ не сходятъ
Добро и Зло, сказать имѣемъ право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правилъ
Назадъ тому почти тысячелѣтье,
Любила свой народъ и претерпѣла
Не меньше насъ. Когда налогомъ тяжкимъ
Графъ обложилъ свой городъ, и предъ замкомъ
Съ дѣтьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: «Подать намъ грозить»

Голодной смертью!»—въ графскіе покои,
Гдѣ графъ, съ своей аршинной бородой
И полсаженной гривой, по залу
Шагалъ среди собакъ, пошла Годива
И, рассказавъ о вопляхъ, повторила
Мольбу народа: «Подати грозятъ
Голодной смертью!» Графъ отъ изумленья
Раскрылъ глаза.—«Но вы за эту сволочь
Мизинца не уколете!»—сказалъ онъ.
«Я умереть согласна», возразила
Ему Годива. Графъ захохоталъ,
Петромъ и Павломъ громко побожился,
Потомъ по брилліантовой сережкѣ
Годивѣ щелкнулъ:—«Розказни!»—«Но чѣмъ же
Мнѣ доказать?»—отвѣтила Годива.
И жесткое, какъ длань Исава, сердце
Не дрогнуло.—«Ступайте,—молвилъ графъ,—
По городу нагая—и налоги
Я отмѣню»,—насмѣшливо кивнулъ ей
И зашагалъ среди собакъ изъ залы.

Такой отвѣтъ сразилъ Годиву. Мысли,
Какъ вихри, закружились въ ней и долго
Вели борьбу, пока не побѣдило
Ихъ Состраданье. Въ Ковентри герольда
Тогда она отправила, чтобъ городъ
Узналъ при трубныхъ звукахъ о позорѣ,
Назначенномъ Годивѣ: только этой
Щѣною облегчить могла Годива

Его удѣлъ. Годиву любятъ,—пусть же
До полдня ни единая нога
Не ступить за порогъ и ни единый
Не взглянетъ глазъ на улицу: пусть всѣ
Затворятъ двери, спустятъ въ окнахъ ставни
И въ часъ ея проѣзда будутъ дома.

Потомъ она поспѣшно поднялась
На верхъ, въ свои покои, разстегнула
Орловъ на пряжкѣ пояса—подарокъ
Суроваго супруга—и на мигъ
Замедлилась, блѣдна, какъ лѣтній мѣсяцъ,
Полузакрытый облачкомъ... Но тотчасъ
Тряхнула головой и, уронивши
Почти до пяти волну волосъ тяжелыхъ,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Внизъ по дубовымъ лѣстницамъ—и вышла,
Скользя какъ лучъ среди колоннъ, къ воротамъ,
Гдѣ ужъ стоялъ ея любимый конь,
Весь въ пурпурѣ, съ червонными гербами.

На немъ она пустилась въ путь—какъ Ева,
Какъ гений цѣломудрія. И замеръ,
Едва дыша отъ страха, даже воздухъ
Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ ѣхала она.
Разинувъ пасть, лукаво вслѣдъ за нею
Косился желобъ. Тявканье дворняжки
Ее кидало въ краску. Звукъ подковъ
Шугалъ, какъ грохотъ грома. Каждый ставень

Быль полонъ дырь. Причудливой толпою
Шпили домовъ глазѣли. Но Годива,
Крѣпясь, все дальше ѣхала, пока
Въ готическія арки укрѣплений
Не засіяли цвѣтомъ бѣлоснѣжнымъ
Кусты густой цвѣтушей бузины.

Тогда назадъ поѣхала Годива—
Какъ геній цѣломудрія. Быль нѣкто,
Чья низость въ этотъ день дала начало
Пословицѣ: онъ сдѣлалъ въ ставнѣ шелку
И ужъ хотѣлъ, весь трепеща, прильнуть къ ней,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ
И вытекли:—да торжествуетъ вѣчно
Добро надъ Зломъ! Годива же достигла
Въ невѣдѣніи замка—и лишь только
Вошла въ свои покои, какъ ударилъ
И загудѣлъ со всѣхъ несмѣтныхъ башенъ
Стозвучный полдень. Въ мантии, въ коронѣ
Она супруга встрѣтила, сняла
Съ народа тяжесть податей—и стала
Съ тѣхъ поръ безсмертной въ памяти народа.

Иерусалимъ.

1.

Это было весной. За восточной стѣной
Быль горячій и радостный зной.
Зеленѣла трава. На припекѣ во рву
Макъ кропилъ огоньками траву.

И сказалъ проводникъ: «Господинъ! Я еврей
И, быть можетъ, потомокъ царей.
Погляди на цвѣты по сіонскимъ стѣнамъ:
Это все, что осталось намъ».

Я спросилъ: «На цвѣты?» И услышалъ въ отвѣтъ:
«Господинъ! Это—праотцевъ слѣдъ.
Кровь погибшихъ въ бояхъ. Каждый годъ, какъ весна,
Краснымъ макомъ восходитъ она».

Въ полдень былъ я на кровлѣ. Кругомъ подо мной
 Тоже кровлей—единой, силошной,
 Желто-розовой, точно песокъ,—возлежалъ
 Древній городъ—и зноемъ дышалъ.

Одинокая пальма вставала надъ нимъ
 На холмѣ опахаломъ своимъ,
 И мелькали, сверлили стрижи тишину,
 И далеко я видѣлъ страну.

Моремъ сѣрыхъ холмовъ разстилалась она
 Въ дымкѣ сизаго мглистаго сна,
 И я видѣлъ гористый Моавъ, а внизу—
 Ленту Мертвой Воды—бирюзу.

«Отъ Галгала до Газы,—сказалъ проводникъ—
 Край отцовъ нынѣ бѣденъ и дикъ.
 Иудея въ гробахъ. Богъ раскинулъ по ней
 Сѣмя пепельно-сѣрыхъ камней.

Врагъ разрушилъ Сіонъ. Городъ тлѣлъ и сгоралъ—
 И пророкъ Іеремія собралъ,
 Теплый прахъ—прахъ золы—въ погасавшемъ огнѣ
 И разсѣялъ его по странѣ:

Да родить край отцовъ только камень и макъ!
 Да исчахнетъ въ немъ всяческій знакъ!
 Да пребудетъ онъ голъ, изсушенъ, нелюдимъ—
 До прихода Рѣченнаго имъ!»

Слѣпой.

Вотъ онъ идетъ проселочной дорогой,
Безъ шапки, рослый, думающій, строгій,
Съ мѣшками, съ палкой, въ рваномъ армячишкѣ,
Держась рукой за плечико мальчишки.

Мальчишкѣ беззаботно въ чистомъ полѣ—
На васильки, на ибжнѣй цвѣтъ куколи
Глазѣтъ онъ, скучающій ребенокъ...
Но показался хуторъ. «Пой, чертенокъ!»

И звонкимъ альтомъ, жалобнымъ и страстнымъ,
Затягиваетъ мальчикъ—о прекрасномъ
Объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ,
Подъ загудѣвшій мрачный басъ калѣки.

«Вы пожалѣйте,—плачетъ альти,—бездомныхъ!
Вы пожалѣйте, люди, сирыхъ, темныхъ!»
И басъ грозитъ: «Въ аду, въ огнѣ сгорите.
На пропитанье сирыхъ сотворите».

И, угрожая, властнымъ мѣрнымъ шагомъ
Идетъ къ избушкѣ ветхой надъ оврагомъ,
Надъ скучной балкой вдоль изсохшей рѣчки,
А тамъ одна старуха на крылечкѣ.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищетъ грошикъ завалѣщій
И жалко плачетъ, сморщивая брови,
Объ окаянной грѣшницѣ Прасковѣѣ.

На Плющихѣ.

Полъ навошенъ, блеститъ паркетомъ.
Столовая озарена
Полуденнымъ горячимъ свѣтомъ.
Спитъ котъ на солнцѣ у окна:

Мурлыкаетъ и томно щуритъ
Янтарь зрачковъ, какъ леопардъ,
А бабушка—въ качалкѣ, куритъ
И думаетъ: «Итакъ, ужъ мартъ!

А тамъ и праздники, и лѣто,
И снова осень»... Вдругъ въ окно
Влетѣло что-то,—вдоль буфета
Мелькнуло свѣтлое пятно,

Зажглось, блеснувъ, въ паркетномъ воскѣ—
И вновь исчезло... Что за шутъ?
А! это улицей подростки,
Какъ солнце, зеркало несутъ.

И снова думы: «Оглянуться
Не успѣваешь—года нѣтъ»...
А въ окна, сквозь гардины, льются
Столбы лучей, горячій свѣтъ,

И дымъ, лѣнивою куделью
Сливаясь съ свѣтлой полосой,
Сипѣетъ, таетъ... какъ за елью
Въ далекой просѣкѣ, весной.

Пугачь.

Онъ сѣлъ въ глуши, въ шатрѣ столѣтней ели.
На яркій свѣтъ, сквозь вѣтки и сучки,
Съ безумнымъ изумленіемъ глядѣли
Сверкающіе золотомъ зрачки.

Я выстрѣлилъ. Онъ вздрогнулъ—и безшумно
Сорвался внизъ, на мохъ корней витыхъ.
Но и во мху блестятъ, глядятъ безумно
Круги зрачковъ лучисто-золотыхъ.

Раскинулись изломанныя крылья,
Но хищный взглядъ все такъ же дикъ и золъ.
И сталь когтей съ отчаяньемъ безсилъ
Вонзается въ ружейный скользкій стволъ.

Баба - Яга.

Гулкій шумъ въ лѣсу нагоняетъ сонъ—
Къ ночи на морѣ палъ сырой туманъ.
Окруженъ со всѣхъ четырехъ сторонъ
Темной осенью островокъ Буянь.

А еще темнѣй—мой холодный срубъ,
Гдѣ ни вздутъ огня, ни топить не смѣй.
А въ окно глядитъ только бурый дубъ,
Подъ которымъ смерть закопалъ Кошей.

Я состарилась, изболѣла вся—
Десять сотъ годовъ берегу ларецъ!
Будь огонь въ свѣтцѣ—я бѣ погрѣлася,
Будь дрова въ печи—похлебала бѣ щецъ.

Да огонь—въ моряхъ мореходу вѣсть,
Да на много верстъ слышенъ дымъ отъ лыкъ...
Чортъ тебѣ велѣлъ къ чорту въ слуги лѣзть,
Дура старая, неразумный шлыкъ!

Съ обезьяной.

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредеть худой согнувшийся хорватъ
По дачамъ утромъ. Въ юбкаъ обезьянка
Бѣжитъ за нимъ, смѣшно поднявши задъ.

И дѣтское, и старческое что-то
Въ ея глазахъ печальныхъ. Какъ цыганъ,
Сожженъ хорватъ. Пыль, солнце, зной, забота...
Далеко отъ Одессы на Фонтанъ!

Ограды дачъ еще въ живомъ узорѣ—
Въ тѣни акацій. Солнце изъ-за дачъ
Глядитъ въ листву. Въ аллеяхъ блещетъ море...
День будетъ дологъ, свѣтелъ и горячъ.

И будетъ сонно, сонно. Черепицы
Стекломъ свѣтиться будутъ. Промелькнетъ
Велосипедъ безшумнымъ махомъ птицы,
Да прогремитъ въ нѣмецкой фурѣ ледъ.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вонъ кіоскъ: большой стаканъ воды
Дастъ съ томною улыбкою еврейка...
Но путь далекъ... Сады, сады, сады...

Звѣрокъ усталъ,—взоръ старичка-ребенка
Томитъ тоской. Хорватъ отъ жажды пьянъ.
Но пьетъ звѣрокъ: лиловая ладонка
Хватаетъ жадно пѣнистый стаканъ.

Поднявши брови, тянетъ обезьяна,
А онъ жуетъ засохшій бѣлый хлѣбъ
И медленно отходитъ въ тѣнь платана...
Ты далеко, Загребъ!

III

Канунъ Купалы.

Не туманъ бѣлѣть въ темной рошѣ—
Ходить въ темной рошѣ Богоматерь.
По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
Собираетъ къ ночи божьи травы.

Только вечеръ имъ остался сроку,
Да и то ужъ солнце на исходѣ:
Застятъ ели черной хвоей западъ,
Золотой иконостасъ заката.

Ужъ въ долинахъ сыро—пали тѣни,
Ужъ луга синѣютъ—пали росы,
Пахнетъ подъ росой медуница,
Золотой вѣнецъ по рошамъ свѣтитъ.

Какъ туманъ, бѣла Бя одежда,
Голубия очи—точно звѣзды.
Соберетъ Она цвѣты и травы
И снесетъ ихъ къ божьему престолу.

Скоро ночь—имъ только ночь осталась,
А на утро срѣжутъ ихъ косами,
А не срѣжутъ—солнце сгубить зноемъ...
Такъ и скажетъ Сыну Богоматерь:

«Погляди, возлюбленное чадо,
Какъ земля цвѣла и красовалась!
Да недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ:
Въ мірѣ Смерть—она и Жизнью править».

Но Христось Ей молвить: «Мать! не солнце—
Только землю тьма ночная кроетъ:
Смерть не сѣмя губить, а срѣзаетъ
Лишь цвѣты отъ сѣмени земного.

И земное сѣмя не изсякнетъ.
Скосить Смерть—Любовь опять посѣетъ.
Радуйся, Любимая! Ты будешь
Утѣшаться до скончанья вѣка!»

Хризантемы.

На окнѣ, серебряномъ отъ инея,
Точно хризантемы расцвѣли.
Въ верхнихъ стеклахъ—небо ярко синее
И застрѣха въ снѣговой пыли.

Всходитъ солнце, бодрое отъ холода,
Золотится отблескомъ окно;
Утро тихо, радостно и молодо.
Бѣлымъ снѣгомъ все запушено.

И все утро яркія и чистыя
Буду видѣть краски въ вышинѣ,
И до полдня будутъ серебристыя
Хризантемы на моемъ окнѣ.

На ущербѣ.

Черныя ели и сосны сквозятъ въ палисадникѣ темномъ:
Въ черномъ узорѣ вѣтвей—мѣсяца рогъ золотой.

Слышу—поютъ пѣтухи. Узнаю по напѣвамъ печальнымъ
Позднюю зимнюю ночь. Что жъ разбудило меня?

О, я сквозь сонъ уловилъ: настаетъ сокровенный и чуткій
Часъ угасанья луны!—Въ сумракѣ спальни разлить

Свѣтъ золотистый, и тѣнь отъ рамъ на полу чуть замѣтна:
Пробило время вставать. Звонко теперь на дворѣ—

Замерло все на морозѣ, лучатся морозныя звѣзды,
Но до костей я готовъ въ легкомъ промерзнуть мѣху,

Только бы видѣть тебя, умирающій въ золотѣ мѣсяцъ,
Золотомъ блестящій снѣгъ, легкія тѣни березъ

И самоцвѣтныя звѣзды: янтарно-зеленый Юпитеръ,
Сиріусъ—дерзкій сапфиръ, синимъ горящій огнемъ,

Альдебарана рубинъ, алмазную цѣль Оріона
И уходящій на югъ призракъ серебристый—Арго!

Въ порту.

Огромный, красный, старый пароходъ
У мола сталь, вернувшись изъ Сиднея.
Бѣлѣть молъ и, радостно синѣя,
Безоблачный сияетъ небосводъ.

Въ тиши, въ теплѣ, на солнцѣ, въ изумрудной
Морской водѣ, склонясь на лѣвый бортъ,
Гигантъ уснулъ... И спитъ пахучій портъ,
Спятъ грузчики... Бѣлѣть молъ безлюдный.

Въ водѣ прозрачной виденъ узкій киль,
Весь въ ракушкахъ... Ихъ слой зелено-ржавый
Наросъ давно... у Суматры, у Явы,
Въ Великомъ океанѣ... въ зной и штиль.

Мальчишка-негръ въ турецкой грязной фескѣ
Виситъ въ бадѣѣ, по борту, краситъ бакъ—
И отъ воды на свѣжій красный лакъ
Зеркальныя восходятъ арабески.

И лакъ блеститъ подъ черною рукой,
Слѣпитъ глаза... И мальчикъ-обезьяна
Сквозь сонъ поетъ... Простой напѣвъ Судана
Звучитъ въ тиши всѣмъ чуждою тоской.

Русская весна.

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣббы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.

Тамъ, среди улицы—лужи,
Зола и весенняя грязь.
Въ избахъ—угарь, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымись.

Жмурясь, сидитъ у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи,
Въ избахъ—темно отъ угара,
Туманно и тихо—въ степи.

Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день...
Въ полѣ—тепло и дремотно,
А въ сердцѣ—счастливая лѣнь...

Старый домъ.

Въ гостиную, сквозь садъ и пыльные гардины,
Струится изъ окна веселый лѣтній свѣтъ,
Хрустальнымъ золотомъ ложась на клавины,
На ветхія ковры и выцвѣтшій паркетъ.

Вкругъ дома—глушь и дичь. Тамъ клены и осины,
Пріюты горлинокъ, шиповникъ, бересклетъ...
А въ домѣ—рухлядь, тлѣнь: повсюду паутины,
Всѣ двери заперты... И такъ ужъ много лѣтъ.

Въ глубокой тишинѣ, таинственно сверкая,
Какъ мелкій перламутръ, беззвучно моль плыветъ.
По стекламъ радужнымъ, какъ бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снуетъ.

Но фортки нѣтъ въ окнѣ, ■ рама въ немъ—глухая...
Тутъ даже моль недолго наживетъ!

Съ обрыва.

Стремнина скалъ. Волной желѣзной
Здѣсь плоскогорье поднялось
И надъ зіяющею бездною,
Оцѣпенѣвъ, оборвалось.

Здѣсь небо ясно,—слой тумана
Ползетъ подъ нами, какъ драконъ,—
И моря синяя нирвана
Виситъ въ пространствѣ съ трехъ сторонъ.

Но дико здѣсь. Какъ руки фурій,
Торчитъ надъ бездною изъ скалъ
Колючій, искривленный бурей,
Сухой и звонкій астрагалъ.

И на зарѣ сѣдой орленокъ
Шипитъ въ гнѣздѣ, какъ василискъ,
Завидѣвъ за моремъ спросонокъ
Въ туманѣ сизомъ красный дискъ.

На дачѣ.

Луна еще прозрачна и блѣдна.
Но розовѣтъ пепель небосклона—
И золотится берегъ. Ужъ видна
Тѣнь отъ узорной туйи у балкона.

Пойдемъ къ обрывамъ. Млѣющей волной
Вода переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засяетъ море.

Ночь будетъ ясная, веселая. Вдали,
На рейдѣ, двѣ турецкихъ бригантины.
Вотъ поднимаютъ парусъ. Вотъ зажгли
Сигналы—изумруды и рубины.

Но вѣтра нѣтъ. И будутъ до зари
Онѣ дремать и медленно качаться,
И будутъ въ лунномъ свѣтѣ фонари
Глазами утомленными казаться.

Золотой неводъ.

Волна ушла—блестятъ, какъ золотые,
На солнцѣ валуны,
Волна идетъ—какъ изъ стекла литые,
Идутъ бугры волны.

По нимъ скользить, колышется медуза,
Живой морской цвѣтокъ...
Но вотъ волна изнемогла отъ груза
И пала на песокъ.

Зеркальной зыбью блещетъ и дробится,
А солнце подъ водой
По валунамъ скользить и шевелится,
Какъ неводъ золотой.

Сѣверная береза.

Надъ озеромъ, надъ заводью лѣсной—
Нарядная зеленая береза.
— «О, дѣвушки! Какъ холодно весной:
Я вся дрожу отъ вѣтра и мороза!»

То дождь, то градъ, то снѣгъ, какъ бѣлый пухъ,
То солнце, блескъ, лазурь и водопады.
— «О, дѣвушки! Какъ веселье лѣсъ и лугъ!
Какъ радостны весенніе наряды!»

Опять, опять нахмурилось,—опять
Мелькаетъ снѣгъ и боръ гудитъ сурово.
— «Я вся дрожу. Но только бѣ не измятъ
Зеленыхъ лентъ! Вѣдь солнце будетъ снова».

*

Вечернее зимнее солнце
И вѣтеръ межъ сосенъ играютъ,
Алѣютъ снѣга, а въ свѣтлицѣ
Янтарныя пятна мелькаютъ.

Узорныя тѣни отъ сосенъ,
Играя, сквозятъ позолотой
И по столу ходятъ, но тихо
Склонилась она за работой.

На бронзу волосъ, на ланиты,
На пальцы и руки широко
Вечернее льется сіянье,
А думы далеко, далеко!

Пусть милый уѣхалъ,—онъ вѣренъ...
И вотъ на вечернее солнце,
На снѣгъ, на зеленыя вѣтви
Она заглядѣлась въ оконце.

Забыты узоры цвѣтныя,
Забыты точеныя пялыцы,
И тихо косою играютъ
Прозрачныя тонкія пальцы.

И тихо алѣютъ ланиты,
Сіяя, какъ снѣгъ, бѣлизною,
И взоры такъ мягки и ярки
Какъ синее небо весною.

Въ лѣсу.

Въ лѣсу, въ горѣ—родникъ, живой и звонкій,
Надъ родникомъ—старинный голубецъ
Съ лубочной почернѣвшею иконкой,
А въ родникѣ—березовый корецъ.

Я не люблю, о Русь, твоей несмѣлой,
Тысячелѣтней, рабской нищеты.
Но этотъ крестъ, но этотъ ковшикъ бѣлый...
Смиранныя родимыя черты!

Рѣчка.

Свѣтло, легко и своенравно
Она блеститъ среди болотъ
И къ старымъ мельницамъ такъ плавно
Несетъ стекло весеннихъ водъ.

Несетъ—и знать себѣ не хочетъ,
Что тамъ, надъ омугомъ въ лѣсу,
Безумно Водяной грохочетъ,
Стремглавъ летя по колесу,—

Пылить на мельницахъ помоломъ,
Трясетъ и жерновъ, и приводъ
И, падая, въ бреду тяжеломъ
Кружитъ сѣдой водоворотъ.

Апрѣль.

Туманный серпъ, неясный полумракъ,
Свинцово-тусклый блескъ желѣзной крыши,
Шумъ мельницы, далекій лай собакъ,
Таинственный зигзагъ летучей мыши.

А въ старомъ палисадникѣ темно,
Свѣжо и сладко пахнетъ можжевельникъ
И сонно, сонно свѣтится сквозь ельникъ
Серпа зеленоватое пятно.

Изъ окна.

Вѣтви кедра—вышивки зеленымъ
Темнымъ плюшемъ, свѣжимъ и густымъ,
А за плюшемъ кедра, за балкономъ—
Садъ прозрачный, легкій, точно дымъ:

Яблони и сизыя дорожки,
Изумрудно-яркая трава,
На березахъ—сѣрыя сережки
И вѣтвей плакучихъ кружева,

А на кленахъ—дымчато-сквозная
Съ золотыми мушками вуаль,
А за ней—долинная, лѣсная,
Голубая тающая даль.

Дѣтство.

Чѣмъ жарче день, тѣмъ сладостнѣй въ бору
Дышать сухимъ смолистымъ ароматомъ,
И весело мнѣ было поутру
Бродить по этимъ солнечнымъ палатамъ!

Повсюду блескъ, повсюду яркій свѣтъ,
Песокъ — какъ шелкъ... Прильну къ соснѣ корявой
И чувствую: мнѣ только десять лѣтъ,
А стволъ—гигантъ, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но такъ тепла, такъ солнцемъ вся прогрѣта!
И кажется, что пахнетъ не сосна,
А зной и сухость солнечнаго свѣта.

Разливъ.

Паромъ, скрипя, ушелъ. Въ разливъ по тусклой зыби
Сквозь муть лиловыхъ тучъ румянится заря.
На темномъ кряжѣ горъ, въ ихъ сумрачномъ изгибѣ,
Померкнули въ лѣсу кресты монастыря.

Оттуда по Окѣ пахучимъ дымомъ тянется;
Но и костеръ потухъ, пылавшій за Окой,
И монастырь уснулъ. Темнѣй уже не станеть,
Но все же ночь давно—ночь, сумракъ и покой.

Лишь брезжится закатъ на взгорьяхъ сквозь верхушки,
Блестить, какъ ртуть, вода по лужамъ на пескѣ,
Дрожить въ разливѣ рябь, да сонныя лягушки
Звенять чуть слышно въ тростникѣ.

Подъ вечеръ.

Угрюмо шмель гудить, толкаясь по стеклу...
Въ окно зарница глянула тревожно...
Притихшій соловей въ сирени на валу
Выводить трели осторожно.

Громъ, проворчавъ въ саду, скатился за гумно;
Но воздухъ меркнетъ, небо потухаетъ...
А тополь тянется въ открытое окно
И ладаномъ благоухаетъ.

Розы.

Блестая, облака лепились
Въ лазури пламеннаго дня.
Двѣ розы подъ окномъ раскрылись—
Двѣ чаши, полныя огня.

Въ окно, въ прохладный сумракъ дома,
Глядѣлъ зеленый знойный садъ,
И сѣна душная истома
Струила сладкій ароматъ.

Порою, звучный и тяжелый,
Высоко въ небѣ грохоталъ
Громовый гулъ... Но пѣли пчелы,
Звенѣли мухи—день сиялъ.

Порою шумно пробѣгали
Потоки ливней голубыхъ...
Но солнце и лазурь мигали
Въ зеркально-зыбкомъ блескѣ ихъ—

И день сиялъ, и млѣли розы,
Головки томныя клоня,
И улыбались сквозь слезы
Очами, полными огня.

Сентябрь.

Ужъ подсыхаетъ хмель на тынѣ.
За хуторами, на бақчахъ,
Въ нежаркихъ солнечныхъ лучахъ
Краснѣютъ бронзовыя дыни.

Ужъ хлѣбъ свезенъ, и вдалькѣ,
Надъ старою степною хатой,
Сверкаетъ золотой заплатой
Крыло на сѣромъ вѣтрякѣ.

У шалаша.

Распали костеръ, сумѣй
Разозлить его блестящихъ,
Убѣгающихъ, свистящихъ,
Золотыхъ и синихъ змѣй!

Ночь изъ тьмы пустого сада
Дышитъ холодомъ прудовъ,
Прѣлыхъ листьевъ и плодовъ—
Ароматомъ листопада.

Здѣсь же—яркій зной и свѣтъ,
Тѣни пляшутъ по аллеямъ,
И бѣгущимъ жаркимъ змѣямъ,
Ихъ затѣямъ—счета нѣтъ!

Ольха.

Осень. Чаши лѣса.
Мохъ сухихъ болотъ.

Озеро бѣлесо.
Блѣденъ небосводъ.

Отцвѣли кувшинки
И шафранъ отцвѣлъ.

Выбиты тропинки.
Лѣсъ и пустъ, и голъ.

Только ты красива,
Хоть давно суха,

Въ кочкахъ у залива
Старая ольха!

Женственно глядишься
Въ воду въ полуснѣ—

И засеребришься
Прежде всѣхъ къ веснѣ.

Въ плавняхъ.

Тамъ, на припекѣ, спять рыбацкіе ковши;
Тамъ низко надъ водой склоняются кистями
Темнозеленые густые камыши;
Поддневный вѣтерокъ змѣистыми струями

Порой зашелеститъ въ ихъ потайной глуши,
Да чайка вдругъ блеснетъ, какъ серебромъ, крылами
Съ плаксивымъ возгласомъ тоскующей души—
И снова плавни спять, сіяя зеркалами.

Надъ тонкимъ ихъ стекломъ, гдѣ тонетъ небосводъ,
Нерѣдко облако восходитъ и глядится
Блισταющимъ столбомъ въ зеркальный сонъ болотъ...

И какъ свѣтло тогда въ бездонной чашѣ водѣ!
Какъ дѣтски вѣрится, что въ безднѣ ихъ таится
Какой-то дивный міръ, что только въ дѣтствѣ снится!

Олень.

Густой зеленый ельникъ у дороги,
Глубокіе пушистые снѣга.
Здѣсь шель олень, могучій, тонконогій,
Къ спинѣ откинувъ тяжкіе рога.

Вотъ слѣдъ его. Здѣсь натопталъ тропинокъ,
Здѣсь елку гнулъ и бѣлымъ зубомъ скребъ—
И много хвойныхъ крестиковъ, остинокъ
Осыпалось съ макушки на сугробъ.

Вотъ снова слѣдъ—размѣренный и рѣдкій...
И вдругъ—прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ—и вѣтки,
Обитыя рогами на бѣгу.

О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,
Въ стремительности радостно звѣриной,
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

Змѣя.

Змѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ...

Подстижки.

Покуда мартъ гудитъ въ лѣсу по голымъ
Снастямъ вѣтвей,—безцвѣтна и плоска,
Я сплю въ дуплѣ. Я сплю въ листьѣ тяжелымъ,
Холоднымъ сномъ... Но ужъ весна близка.

Ужъ въ облакахъ, какъ синія оконца,
Сквозитъ лазурь... Подсохло у корней,
И мотылекъ въ горячемъ свѣтѣ солнца
Припалъ къ листьѣ... Я шевелюсь подъ ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Тепломъ лучей... Я медленно ползу—
И вотъ опять цвѣту, горю, мѣняюсь,
Ряжусь то въ мѣдь, то въ сталь, то въ бирюзу.

Гдѣ суше лѣсъ, гдѣ много пестрыхъ листьевъ
И желтыхъ мухъ, тамъ пестрый жгутъ—змѣя.
Чѣмъ жарче день, чѣмъ мухи золотистѣй—
Тѣмъ ядовитѣй я.

Послѣ дождя.

Все море—какъ жемчужное зеркало,
Сирень съ отливомъ млечно-золотымъ.
И какъ тепло передъ закатомъ стало,
И какъ душисть надъ саклей тонкій дымъ!

Вонъ чайка съѣла въ бухточкѣ скалистой,
Какъ поплавокъ... Взлетаетъ иногда—
И видно, какъ струею серебристой
Сбѣгаетъ съ лапокъ розовыхъ вода.

У береговъ къ водѣ застыли скалы,
Подъ ними свѣтитъ жидкій изумрудъ.
А тамъ, вдали—и жемчугъ, и опалы
По золотистымъ яхонтамъ текутъ.

На бѣлыхъ пескахъ.

На бѣлыхъ пескахъ отъ прилива
Не мало осталось къ зарѣ
Сверкающихъ лужъ и затоновъ—
Зеркальныхъ полосъ въ серебрѣ.

Не мало камней самоцвѣтныхъ
Осталось на дюнахъ нагихъ,
И смотреть, какъ ангелъ небесный,
Весеннее утро на нихъ.

А къ западу сумракъ тѣснится,
И съ сумракомъ въ сизый туманъ
Свивается сонный, угрюмый,
Тяжелый удавъ—Океанъ.

Пастухи.

Просвѣтляйтесь на закатѣ.

Коранъ.

Тонетъ солнце, рдянымъ углемъ тонетъ
За пустыней сизой. Дремлетъ, клонитъ
Головы баранта. Близокъ часъ:

Мы проводимъ солнце, обувь скинемъ
И свершимъ подъ звѣзднымъ, темно-синимъ
Милосерднымъ небомъ свой намазъ.

Пастухи пустыни, что мы знаемъ!
Мы, какъ сказки дѣтства, вспоминаемъ
Минареты нашихъ отчихъ странъ.

Разверни же, Вѣчный, надъ пустыней
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звѣздъ небесныхъ—нашъ Коранъ!

И, склонивъ колѣни, мы закроемъ
Очи въ сладкомъ страхѣ, и омоемъ
Лица холодѣющимъ пескомъ,

И возвысимъ голосъ, и съ мольбою
Разольемся въ прахъ передъ Тобою,
Какъ волна на берегу морскомъ.

IV

Изъ поэмы „Листопадъ“.

Лѣсъ, точно теремъ расписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Веселой пестрою стѣной
Стоить надъ свѣтлою поляной.
Березы желтою рѣзьбой
Блестять въ лазури голубой;
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листьѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступила нынче въ теремъ свой.

★

Какъ хорошо ей! На полянѣ,
Среди широкаго двора,
Воздушной паутины ткани

Блестять, какъ сѣтъ изъ серебра.
Просѣка узкая, какъ сѣни,
Уходитъ въ теремъ, а по ней
Лежить коверъ листвы осенней
Среди кустарниковъ и иней.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ,
И, точно бѣлый лепестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ...
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ
Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ расписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Стоитъ надъ солнечной поляной
Завороженный тишиной.
Заквохчетъ дроздъ, перелетая
Среди подсѣда, гдѣ густая
Листва янтарный отблескъ льетъ;
Играя въ небѣ, промелькнетъ
Скворцовъ разсыпанная стая—
И снова все кругомъ замретъ...
Лѣсъ точно дремлетъ. А въ ворота,—
Среди двухъ высохшихъ осинъ,—
Глядятъ и синева долинь,
И мелколѣсье, и болота...

★

Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката
Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣшалъ.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
Луна восходитъ, а въ лѣсу
Ложатся тѣни на росу...
Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чаши помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ ночной!

★

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся—она растетъ.
А съ нею, блѣдностью пугая,
И мѣсяцъ медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ—
И вотъ ужъ смотритъ прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.
Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой

Какъ будто смерть себѣ пророчить.
Сова и та молчить: сидить
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ.
Порою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотреть круглыми глазами,
Вода ушастой головой
По сторонамъ, какъ въ изумленьи.
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣньи,
Наполненъ блѣдной, легкой мглой
И листьевъ сыростью гнилой;
Луна съ небесъ, какъ привидѣнье,
Глядитъ, застывши безъ движенья,
И жутко Осени одной
Въ полночной тишинѣ лѣсной!

✱

На утро блѣдной и больною
Она проснется. На дворѣ
Темно и хмуро. За стѣною
Бушуетъ боръ, какъ въ ноябрѣ...
Грубятъ рога въ поляхъ далекихъ;
Звенить ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,

Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туринный,
Скликаая на добычу совъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разносить бури шумъ пустынный.
Льетъ дождь холодный, точно ледъ,
Кружатся листья по полянамъ,
И гуси длиннымъ караваномъ
Надъ лѣсомъ держать перелетъ...

✱

И вотъ встаютъ столбами дымы
Въ селѣ на утренней зарѣ;
Лѣса багряны, недвижимы,
Земля въ морозномъ серебрѣ.
И въ горностаевомъ шугаѣ,
Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
Выходить Осень на крыльцо.
На югъ отъ стужи и метели
Давно ужъ птицы улетѣли:
Туда и Осень по утру
Свой одинокій путь направить
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставить...

Кондоръ.

Громады горъ, зазубренныя скалы
Изъ океана высятся грядой.
Подъ ними берегъ, дикій и пустой,
Надъ ними кондоръ, тяжкій и усталый.

Померкъ закатъ. Въ ущелья и провалы
Нисходитъ ночь. Гоимый темнотой,
Уродливо-плечистый и худой,
Онъ медленно спускается на скалы.

И долгій крикъ, звенящій крикъ тоски,
Вдругъ раздается жалобно и властно
И замираетъ въ небѣ. Но безстрастно

Синѣетъ море. Скалы и пески
Скрываетъ ночь—и вѣетъ на вершинѣ
Дыханьемъ смерти, холодомъ пустыни.

Въ Колизеѣ.

Байрона.

Сверкаютъ звѣзды,—полная луна
Надъ горными вершинами сіяетъ,
Надъ вѣчными снѣгами... Дивный видъ!

Миѣ помнится,—когда я молодъ былъ
И странствовалъ, въ такую ночь однажды
Я былъ среди развалинъ Колизея,
Среди останковъ царственнаго Рима.
Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,
На синевѣ полуночной темнѣя,
Чуть колыхались, по вѣтру, и звѣзды
Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра
Былъ слышенъ лай собакъ, а изъ дворца—
Протяжный стонъ совы, и, замирая,
Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
Далекіе напѣвы часовыхъ.
Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,
Стояли кипарисы—и казалось,

Что ихъ кайма была на горизонтѣ,
А между тѣмъ лишь на полеть стрѣлы
Я былъ отъ нихъ.

Гдѣ Цезарь жилъ когда-то
И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
Уже не лавръ, а дикій плющъ растетъ
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
Среди твердынь, сравнявшихся съ землею.
Кровавый циркъ стоитъ еще донинѣ,
Еще хранить въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги ужъ давно
Поверглись въ прахъ и стали грудой камня.

И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,
Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость заустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ временъ.
Ты красоты былой не измѣняла,
Но осѣняла новой красотой
Все, въ чемъ она погибла, и руины
Казались священными, и сердце
Нѣмымъ благоговѣньемъ наполнялось
Передъ нѣмымъ величьемъ древней славы.

Ракета.

Быль поздній часъ—и вдругъ надъ темнотою,
Высоко надъ уснувшею землею,
Прорѣзавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бѣшеной змѣею.

Стремительно порывъ ее вознесъ...
Но мигъ одинъ—и въ темное забвенье
Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ,
И медленно ихъ тихое паденье.

Съ кургана.

Дымится поле, разсвѣтъ бѣлѣть,
Въ степи туманной кричатъ орлы,
И дико звонокъ ихъ плачь голодный
Среди холодной плывущей мглы.

Въ росѣ ихъ крылья, въ росѣ бурьяны,
Благоухаютъ поля со сна...
Зарею сладокъ твой бодрый холодъ,
Твой томный голодъ,—твой зовъ, весна!

Ты побѣдила,—вся степь дымится,
Надъ степью властно кричатъ орлы,
И тучи жаркимъ горятъ пожаромъ,
И солнце шаромъ встаетъ изъ мглы!

Лѣсная дорога.

Въ березовомъ лѣсу, гдѣ распѣваютъ птицы,
Гдѣ въ шелковой травѣ сквозь тѣнь лучи горятъ,
Темнѣютъ холмики,—могилъ забытыхъ рядъ,
А подъ березами, какъ юныя черницы,
Смирненно елочки зеленыя стоятъ.

Быль здѣсь когда-то скитъ, какъ говорятъ преданья,
И десять дѣвственницъ, отрекшись отъ земли,
Въ немъ приняли обѣтъ святого созерцанья,
Держали строгій постъ и, какъ цвѣты, цвѣли
Подъ пѣнье Божьихъ птицъ и странниковъ сказанья.

Быль здѣсь дремучій боръ, въ народѣ говорятъ,
Быль долгій станъ татаръ, въ лѣсахъ кипѣли битвы;
Потомъ быль этотъ край спокоенъ и богатъ,
И древній скудный скитъ и подвиги молитвы
Забылись, точно сонъ, ужъ много лѣтъ назадъ.

Не мало было сновъ,—зачѣмъ намъ помнить ихъ?
И вотъ опять весна. Въ лѣсу все зеленѣеть,
Лѣсъ сѣнокоса ждетъ, а небосклонъ синѣеть
Межъ бѣлыхъ облаковъ, среди вершинъ лѣсныхъ,
И на глазахъ трава въ полдневномъ зноѣ млѣеть.

Пройдетъ моя весна, и этотъ день пройдетъ,
Но весело бродить и знать, что все проходитъ,
Межъ тѣмъ какъ счастье жить вовѣки не умретъ,
Покуда надъ землею заря зарю выводитъ
И молодая жизнь родится въ свой чередъ!

Бѣжить зеленый лѣсъ, поютъ и свищутъ птицы,
А вонъ и озеро, песчаный, бѣлый скатъ...
Пошелъ! И бубенцы играютъ и гремятъ,
Въ колесахъ, какъ лучи, блестятъ на солнцѣ спицы
И кружева тѣней по лошадямъ скользятъ...

★
Какъ флеромъ даль полей закрывъ на полчаса,
Прошелъ внезапный дождь косыми полосами—
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ освѣженными лѣсами.

Тепло и влажный блескъ. Запахли медомъ ржи.
На солнцѣ бархатомъ пшеницы отливаютъ,
И въ зелени вѣтвей, въ березахъ у межи,
Безпечно иволги болтаютъ.

И весель звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ
Ужъ вѣетъ ласково, а бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

Изъ сказки.

Все лѣсъ и лѣсъ. А день темнѣеть,—
Низы синѣютъ, и трава
Съдой росой въ лугахъ бѣлѣеть...
Проснулась сѣрая сова.

На западъ сосны вереницей
Идутъ, какъ рать сторожевыхъ,
И солнце мутное Жарь-Птицей
Горить въ ихъ дебряхъ вѣковыхъ.

Подъ парусомъ.

Высоко нашъ флагъ трепещеть,
Гордо вздулся парусъ полный,
Всталъ, огромный и косой;

А навстрѣчу зыбью плещеть,
И бѣгутъ-змѣятся волны
Быстрой, гибкой полосой.

Изумрудъ горить, сверкал,
Въ ней, какъ въ раковинѣ тѣсной,
Мѣдью свѣтитъ на борта;

А кругомъ вода морская
Такъ тяжка и полновѣсна,
Точно ртутью налита:

Ходить зыбкими буграми,
Ходить мощно и упруго,
Высоко возносить челнъ,

И бѣгущими горами
Принимаютъ другъ отъ друга
Насъ, какъ въ люлькѣ, гребни волнъ.

Я лицо и грудь подставилъ
Вѣтру моря и съ налета
Вольный бѣгъ его ловлю,—

Я на вѣтеръ руль направилъ
И, какъ чайка, безъ отчета,
Безъ раздумья жизнь люблю!

СОЛОВЬИ.

То разрастаясь, то слабѣя,
Громъ за усадьбой грохоталъ,
Шумѣла тополей аллея,
На стекла сумракъ набѣгалъ.
Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей.
Въ поляхъ хлѣба къ межамъ клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ—
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Но вотъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихоръ пролетѣлъ,—
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ,
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома

Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохоть... Все кругомъ
Затихло сразу и глубоко,
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ,—
И благодатно и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.
На межи тихо наклонились
Хлѣба въ поляхъ... А изъ садовъ
Все такъ же звучно доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Когда же, медленно слабѣя,
Дождь отшумѣлъ и замеръ громъ,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьемъ и тепломъ.
Паръ, неподвижный и пахучій,
Стоялъ въ хлѣбахъ. Спала земля.
Заря чуть теплилась подъ тучей
Полоской алаго огня.
А изъ лощинъ, гдѣ распускались
Во тьмѣ цвѣты, и изъ садовъ
Лились и въ чашахъ отдавались
Все ярче пѣсни соловьевъ.

КОВЫЛЬ.

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?

Сл. о Пл. Иов.

Что шумить-звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣетъ ночь передъ зарею,
Смутно травы шепчутся сухія,—
Сладкій сонъ ихъ нарушаетъ вѣтеръ.
Опускаясь низко надъ полями
По курганамъ, по могиламъ соннымъ,
Нависаетъ въ темныхъ балкахъ сумракъ.
Блѣдный день надъ сумракомъ забрезжилъ
И разсвѣтъ ненастный задымился...

Что шумить-звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣетъ ночь передъ зарею,
Сѣрой мглой подернулись балки...

Или это ратный станъ бѣлѣтъ?
Или снова вѣтъ вольный вѣтеръ
Надъ глубоко спящими полками?
Не ковыль ли, старый и сонливый,
Онъ качаетъ, клонить и качаетъ,
Вежи половецкія колышетъ
И бѣжить-звенить старинной былью?

Послѣдняя гроза.

Не прохладой, не покоемъ,
А истомою и зноемъ
Ночь съ горячихъ пашенъ вѣтъ:
Хлѣбъ во мракѣ ночи зрѣтъ.

Обступаютъ осторожно
Небо тучи, и тревожно,
Точно жаръ и бредъ недуга,
Набѣгаетъ вѣтеръ съ юга.
Шелестя и торопливо
Волны вѣтра ловить нива,
Страстнымъ шепотомъ привѣта
Провождаетъ ихъ,—и мнится:
Ночь прощается тоскливо
Съ лаской пламеннаго лѣта,
Разметалась и томится...

Блескъ зарницъ ей точно снится,
Мракъ растетъ надъ ней кошмаромъ,

И когда всю степь пожаромъ
Красный сполохъ озаряетъ,—
Въ полѣ чей-то призракъ темный,
Величавый и огромный,
На мгновенье вырастаетъ,
Чьи-то очи ярко блещутъ,
Содрогаясь отъ усилья,
И раскинутыя крылья
За плечомъ его трепещутъ.

Какъ тотъ блескъ ее пугаетъ!
Точно въ страхъ пробѣгаетъ
Знойный шелестъ по бурьяну...
Быть большому урагану!
Ужъ надъ этимъ смутнымъ шумомъ
Все слышнѣй, какъ за горою
Дальнѣй громъ ворчить порою,
Какъ въ величїи угрюмомъ,
Потрясая своды неба,
Онъ проходитъ тяжкимъ гуломъ
Надъ шумящимъ моремъ хлѣба...

Скоро бѣшенымъ разгуломъ
Въ полѣ вѣтеръ понесется,
Скоро громъ смѣлѣе грянетъ,
Жуткимъ блескомъ даль зажжется,
Ночь испуганно воспрянетъ,
Ночь порывисто очнется—

И обильными слезами
Вся тоска ея прольется!

А на утро надъ полями
Солнце грустно улыбнется,—
Озаритъ ихъ на прощанье,
И на нивы, на селенье
Ляжетъ кроткое смиренье
Тишины и увяданья.

Костеръ.

Ворохъ листьевъ сухихъ всѣ сильнѣй, веселѣй разгорается
И трещить, и пылаетъ костеръ.
Пышетъ пламя въ лицо; теплый дымъ на вѣтру развѣвается,
Затянулъ весь лѣсной косогоръ.

Лѣсъ гудитъ на горѣ, низко гнутся березы вѣтвистыя,
Межъ стволами качается тѣнь...
Блескомъ, шумомъ листвы наполняетъ лѣса золотистые
Этотъ солнечный, вѣтренный день.

А въ долинь—затишье, свѣтло отъ орѣшника яркаго,
И по свѣтлой долинь лѣсной
Тянетъ гарью сухой отъ костра распаленнаго, жаркаго,
Развѣвается дымъ голубой.

Камни, заросли, рвы... Лучезарнымъ тепломъ очарованный,
Какъ во снѣ, я лежу у куста...
Странно желтой листвою озаренъ этотъ долъ заколдованный,
Эти лисьи, глухія мѣста!

Вѣтеръ звуки несетъ... Не собаки ль вдали заливаются?
Не рога ль мелодично звучатъ?
А вершины шумятъ, а вершины скрипятъ и качаются,
Моноotonно шумятъ и скрипятъ...

Не видно птицъ. Покорно чахнетъ
Лѣсъ, опустѣвшій и больной.
Грибы сошли, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.

Глушь стала ниже и свѣтлѣе,
Въ кустахъ—свалялася трава
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ мокрая листва.

И далеко въ лѣсу багряномъ
Кустарникъ виденъ по горѣ
И лугъ, синѣющій туманомъ
На ранней утренней зарѣ...

А въ полѣ—вѣтеръ. День холодный
Угрюмъ, но свѣжъ,—и цѣлый день
Скитаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.

Тѣснятся тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ,
И бодро конь идетъ по всходамъ;
По взметамъ вязкимъ и сырымъ.

И, убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ-поетъ въ дуло ружья.

Родина.

Подъ небомъ мертвенно-свинцовымъ
Угрюмо меркнетъ зимній день,
И нѣтъ конца лѣсамъ сосновымъ,
И далеко до деревень.

Одинъ туманъ молочно-синій,
Какъ чья-то кроткая печаль,
Надъ этой свѣжною пустыней
Смягчаетъ сумрачную даль.

Звѣзды.

Ночь и даль сѣдая,
Въ инеѣ лѣса.
Звѣздами мерцаютъ,
Свѣтятъ небеса.

Звѣздный свѣтъ бѣлѣетъ,
И земля окрестъ
Стынетъ-цѣпенѣетъ
Въ млечномъ свѣтѣ звѣздъ.

Тихо, какъ въ пустынѣ...
Четко за горой
На рѣкѣ въ долинѣ
Треснетъ ледъ порой...

Метеоръ зажжется,
Озаря свѣгъ...
Шорохъ пронесется—
Звѣря легкій бѣгъ...

И опять—молчанье...
Въ блѣдной мглѣ равнинъ,
Затаивъ дыханье,
Я стою одинъ

И, объятый чуткой
Странною дремой,
Жду чего-то въ жуткой
Тишинѣ нѣмой.

★
Бушуетъ полая вода,—
Шумитъ и глухо, и протяжно.
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело, и важно.

Дымятся черныя бугры,
И утромъ въ воздухѣ нагрѣтомъ
Густыя бѣлыя пары
Напоены тепломъ и свѣтомъ.

А въ полдень лужи подъ окномъ
Такъ разливаются и блещутъ,
Что яркимъ солнечнымъ пятномъ
По залу «зайчики» трепещутъ.

Межъ круглыхъ рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьѣ гуменъ и дворовъ.

Весна, весна! И все ей радо;
Какъ въ забытїи какомъ стоишь
И слышишь свѣжїй запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.

Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ, мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

Въ Геосиманскомъ саду.

И въ этотъ часъ, гласитъ преданье,
Когда, сомнѣнїемъ томимъ,
Изнемогалъ Онъ отъ страданья,
Все преклонилось передъ Нимъ.

Затихла ночь въ благоговѣнїи,
И слышалъ Онъ: «Моихъ вѣтвей
Колючїй тернѣ—вѣнцомъ мученья
Возложить на главѣ Твоей;

«Но тернѣ короною зеленой
Чело святое обовѣтъ,—
Въ мїръ подъ страдальческой короной,
Какъ Царь царей, Господь войдетъ!»

И кипарисъ, надъ Нимъ шумящїй,
Ему шепталъ во тьмѣ ночной:
«Благословенъ Господь скорбящїй,—
Великъ и славенъ подвигъ Твой!»

«Я вознесу надъ всеі вселенной
Мой тяжкій крестъ и на крестъ
Весь міръ узритъ Тебя, Смиренный,
Въ неизреченной красотѣ!»

Но снова Онъ въ тоскѣ склонялся,
Но снова Онъ скорбѣлъ душой—
И вѣтеръ ласковой струей
Его чела въ тиши касался:

«О, подними Свой грустный взоръ!
Въ часъ скорби, въ темный часъ страданья
Прохлады свѣжее дыханье
Я принесу съ долинъ и горъ,—

«Я нѣжной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
Я отъ востока до заката
Твои глаголы возвѣщу!»

Матери.

Я помню тихій свѣтъ...

Полонскій.

«Ангелъ-Хранитель надъ тобой!..»

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватку
И милый, кроткій голосъ твой:
«Ангелъ-Хранитель надъ тобой!»

Бывало, раздѣваетъ няня
И полушопотомъ бранить,
А сладкій сонъ, глаза туманя,
Къ ея плечу меня клонить.

Ты перекрестишь, поцѣлуешь,
Напомнишь мнѣ, что Онъ со мной,—
И вѣрой въ счастье очаруешь...
Я помню, помню голосъ твой!

Я помню свѣтъ, тепло кровати,
Лампадку въ сумракѣ угла
И тѣни отъ цѣпей лампадки...
Не ты ли ангеломъ была?

Псадомъ жизни.

Г. Лонгфелло.

Не тверди въ строфахъ унылыхъ:
«Жизнь есть сонъ пустой».—Въ комъ спать
Духъ живой,—тотъ духомъ умеръ:
Въ жизни высшій смыслъ сокрытъ.

Жизнь не грезы! Жизнь есть подвигъ!
И умретъ не духъ, а плоть.
«Прахъ еси—и въ прахъ вернешься»,
Не о духѣ рекъ Господь.

Не печаль и не блаженство
Жизни цѣль: она зоветъ
Насъ къ труду, въ которомъ бодро
Мы должны идти впередъ.

Путь далекъ, а время мчится,—
Не теряй въ немъ ничего.
Помни, что бѣенье сердца—
Погребальный маршъ его.

На житейскомъ бранномъ полѣ,
На бивакѣ жизни будь
Не рабомъ, а будь героемъ,
Закалившимъ въ битвахъ грудь.

Не оплакивай Былого,
О Грядущемъ не мечтай,
Дѣйствуй только въ Настоящемъ
И ему лишь довѣрай.

Жизнь великихъ—призываетъ
Насъ къ великому идти,
Чтобъ въ пескахъ время остався
Слѣдъ и нашего пути,—

Слѣдъ, что вывести, быть можетъ,
На дорогу и другихъ—
Заблудившихся, усталыхъ—
И пробудить бодрость въ нихъ.

Встань же смѣло на работу,
Отдавай всѣ силы ей
И учись въ трудѣ упорномъ
Ждать прихода лучшихъ дней!

Изъ „Новолунія“.

Народился мѣсяцъ золотой,
Робко онъ весенними зарями
Свѣтитъ надъ зеркальною водой,
По садамъ сія межъ вѣтвями.

Не угасъ еще вдали закатъ,
И листва сквозитъ узоромъ четкимъ,
А подъ ней ужъ серебрится садъ
Свѣтомъ и таинственнымъ, и кроткимъ.

Тихій прудъ среди кудрявыхъ вербъ
Озарился, блестками играя...
Но настала ночь—и лунный серпъ
Угасаетъ, точно умирая.

Разсвѣтъ.

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозить въ стеклянномъ небосклонѣ;
Алмазь предутренней звѣзды
Блестить въ его прозрачномъ лонѣ.

И, какъ ребенокъ послѣ сна,
Дрожить звѣзда въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуетъ ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она.

Родникъ.

Въ тайгѣ, въ глуши ея зеленой,
Всегда тѣнистой и сырой,
Въ крутомъ оврагѣ подъ горой
Бьетъ изъ камней родникъ студеной:

Кипить, играетъ и спѣшить,
Крутятся хрустальными клубами,
И подъ вѣтвистыми дубами
Стекломъ расплавленнымъ бѣжитъ.

А небеса и лѣсъ нагорный
Глядятъ, задумавшись въ тиши,
Какъ въ свѣтлой влагѣ голыши
Дрожатъ мозаикой узорной.

Изъ „Вечерней молитвы“.

Мотивъ Сенкевича.

*Небеса проповѣдуютъ славу Божию,
и о дѣлахъ рукъ Его отвѣщаютъ твердо.
День дню передаетъ рѣчь, и ночь ночи
открываетъ знаніе. Пс. 18.*

I.

Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ ночной, за лѣса и моря.
Въ темныхъ лѣсахъ засинѣли туманы,
Въ морѣ горитъ золотая заря.

День угасаетъ. Дневныя заботы
Съ тихой зарей забываетъ земля.
Пахарь усталый вернулся съ работы,
Въ теплой росѣ засыпаютъ поля.

Вотъ потянулись птицъ караваны...
—Какъ необъятны зарей небеса!

Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ ночной, за моря и лѣса...

II.

Темнѣетъ храмъ лѣсовъ. И кроткій, и веселый,
Вечерній льется свѣтъ въ лѣсную глубину.
Дремотно-ласково жужжать на солнцѣ пчелы,
Кончая мирный день и отходя ко сну.

Клубится мошекъ рой. Задумчиво заводятъ
Свой жалобный концертъ лѣсные комары...
Но гаснетъ, гаснетъ свѣтъ... Изъ листьевъ и коры
Ночныя бабочки угрюмыя выходятъ...

Стихаетъ дятловъ стукъ... Съ заката потянуль
Неясный вѣтерокъ... Закатъ еще краснѣетъ,
Но близко часъ ночной—и храмъ лѣсовъ темнѣетъ,
И подымается чуть слышный, смутный гулъ.

То рать отцовъ-дубовъ заводитъ разговоры,
То на вечерній гимнъ скликаются лѣса...
И вотъ оконченъ день: въ торжественные хоры
Сливаются лѣсные голоса.

III.

«Сестры, возрадуйтесь! День благодатный,
Тихій и теплый, Господь даровалъ:

Славой Господней огонь предзакатный,
Славой небесною Западъ пылалъ.

«Звѣздную ночь намъ Творецъ посылаетъ,
Темной землѣ Онъ огни засвѣтилъ;
Сонъ безмятежный на насъ наступаетъ...
Дивны вѣлѣнія Господа Силъ!»

IV.

Мгновенье вдумчиво молчать во мракѣ сосны,
Мгновенье—и звучитъ согласно по лѣсамъ:
«Господь, Господь! Какъ ладанъ росный,
Благоухаетъ нашъ бальзамъ.

«И ароматъ любвеобильный
Мы изливаемъ въ теплой мглѣ
Тебѣ, Господь! Тебѣ, Всесильный
На небесахъ и на землѣ!»

V.

Тихой пѣсней имъ вторять березы вѣтвистыя:
«Отче нашъ! При сіяньи озеръ,
Зори свѣтлыя, зори огнистыя
Золотятъ нашъ зеленый уборъ.

«И подъ ласкою вѣтра цѣлебною
Наши тонкія вѣтви шумятъ,

И Тебѣ онѣ арфой хвалебною,
Нашей радостной пѣсней звучать!»

VI.

И кончаютъ грустною мольбою
Пихты темныя, ушедшія во мглу:
«Сестры! Братья! Радуйтесь покоемъ
И творите Господу хвалу!

«Истомилъ насъ день тяжелымъ зноемъ,
Но темнѣютъ тихо небеса,
Вѣетъ ночь прохладой и покоемъ,
Падаетъ вечерняя роса!»

Ночью въ іюлѣ.

Не слышать еще тяжкаго грома за лѣсомъ,—
Только сполохъ зарницъ пробѣгаетъ въ вершинахъ.
Лапы елей висятъ неподвижнымъ навѣсомъ,
И запугалась хвоя въ сухихъ паутинахъ.

Если жъ молнія вспыхнетъ, какъ пламя надъ горномъ,
Раскрываются чаши въ изломахъ невѣрныхъ,
Точно древніе своды во храмахъ пещерныхъ,
Въ подземельи Перуна, высокомъ и черномъ!

Серпъ луны.

Серпъ луны подъ тучкой длинной
Льетъ полночный слабый свѣтъ.

Надъ безмолвною долиной
Дремлетъ церкви силуэтъ.

Серпъ луны за тучкой таетъ,—
Проплывая, гаснетъ онъ.

Съ колокольни долетаетъ,
Замирая, сонный звонъ.

Серпъ луны въ просвѣты тучи
Съ грустью тихою глядитъ,

Подъ вѣтвями ивъ плакучихъ
Тускло воду золотитъ,

И въ рѣкѣ, среди глубокой
Предразсвѣтной тишины,

Замираетъ одинокій
Золотой двойникъ луны.

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни,
И подъ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ;
Но ужъ сияетъ яркій зной,
Давно топоръ стучитъ въ сараѣ,
И голубей веселыхъ стаи
Сверкаютъ снѣжной бѣлизной.

Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалькѣ,
И въ молодомъ березникѣ
Грибами пахнетъ и листвою.
На солнцѣ свѣтлая рѣка
Трепещетъ радостно, смѣется,
И гулко въ рошѣ отдается
Надъ нею ладный стукъ валька.

А за деревнею, гдѣ межи
Въ поля привольныя бѣгутъ,

Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣже,—
Ржи серебристыя цвѣтутъ,
Въ лазури жаворонки рѣютъ,
Поютъ про степь наперебой,
И, какъ миражъ, курганы мрѣютъ
Въ дали воздушно-голубой.

Сумерки.

Все точно въ полуснѣ. Надъ сѣрою водой
Сползаетъ съ горъ туманъ, холодный и густой,
Подъ нимъ гудитъ прибой, зловѣще разрастаясь,
А темныхъ голыхъ скалъ прибрежная стѣна,
Въ дымящійся туманъ погружена,
Лѣниво курится, во мглѣ небесь теряясь.

Суровъ и дикъ ея могучій видъ!
Подъ шумъ и гулъ морской, она въ дыму стоитъ,
Какъ неугасшій жертвенникъ титановъ,
И Ночь, спускаясь съ горъ, вступаетъ точно въ храмъ,
Гдѣ мрачный хоръ поетъ въ сѣдыхъ клубахъ тумановъ
Торжественный хоралъ невѣдомымъ богамъ.

*

Долгій, сонный зимній вечерь,
Полумракъ и тишина;
Свѣчи меркнуть, нагораютъ,
Буря плачетъ у окна.

«Дорогой мой, шепчетъ мама,
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрымъ и веселымъ
Завтра утромъ быть опять,—

«Позабудь, что воесть вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихій шопоть лѣса
И полдневный лѣтній зной:

«Вспомни, какъ шумять березы,
А за лѣсомъ, у межи,
Ходятъ медленно и плавно
Золотыя волны ржи!»

По знакомому совѣту
Я доврчиво внималъ
И, обвѣянный мечтами,
Забываться начиналъ.

Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ сливалось
Убаюкиванье грезъ —
Шопоть зрѣющихъ колосьевъ
И невнятный шумъ березъ.

Мать.

И дни, и ночи до утра
Въ степи бураны бушевали
И вѣшки снѣгомъ заметали,
И заносили хутора.
Они врывались въ мертвый домъ—
И стекла въ рамахъ дребезжали,
И снѣгъ сухой въ старинной залѣ
Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь—не угасая,
Свѣтилъ въ пристройкѣ по ночамъ,
И мать всю ночь ходила тамъ,
Глазъ до разсвѣта не смыкая.
Она мерцавшую свѣчу
Старинной книгой заслонила
И, положивъ дитя къ плечу,
Все напѣвала и ходила...

И ночь тянулась безъ конца...
Порой, дремотой обвѣвая,

Шумѣла тише вьюга злая,
Шуршала снѣгомъ у крыльца.
Когда жъ буранъ въ порывѣ дикомъ
Внезапнымъ шкваломъ налеталъ,—
Казалось ей, что домъ дрожалъ,
Что кто-то слабымъ, дальнимъ крикомъ
Въ степи на помощь призывалъ.
И до утра не разъ слезами
Ея усталый взоръ блестѣлъ,
И мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
Большими темными глазами...

Облако.

Высоко въ просторѣ неба,
Все сіяя бѣлизною,
Вышло облачко на полдень
Надъ равниной водяною.

Изъ болотъ оно возстало,
Изъ холоднаго тумана,
Но, какъ лебедь, засіяло
Въ синей стали океана...

Не затѣмъ ли ты возникло,
Чтобы въ вѣчномъ отразиться?
Не затѣмъ ли ввысь стремилось,
Чтобъ подъ солнцемъ раствориться?

Вышло облачко высоко,
Стало тонкое, сквозное,
Улыбнулось одиноко—
И угасло въ яркомъ зноѣ.

Подсѣжники.

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу все сѣрое, сухое
И паутиной пала тѣнь.

Зато все ярче и нѣжнѣе
Живая неба бирюза,
И смотреть, весело синѣя,
Въ кустахъ подсѣжниковъ глаза.

Змѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по землѣ.

И нѣжный вѣтеръ, поднимая
Весенній шумъ своимъ крыломъ,
Пахнулъ широко лаской мая
И мягкимъ солнечнымъ тепломъ.

Сухіе листьа, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О, какъ за этою поляной
Просѣка стройно-глубока!

Какъ утонченно-ярки краски,
Какъ даль свѣтла и хороша!
Какъ жадно вѣрить вешней ласкѣ
Освобожденная душа!

Счастье.

Весенняго ливня мы ждемъ...
Ужъ тучки синѣютъ сердито
И въ воздухѣ пахнетъ дождемъ,
А къ югу все небо раскрыто...
Какъ чисто и весело въ немъ!

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,—
Стоять зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

✓ Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала—и, сотнями иголь
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгалъ—
И садъ зашумѣлъ отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвою,
Смѣшалъ молодья березки,

И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блески,
А лужи налилъ синевою.

Вонъ радуга... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ,
И счастьемъ простымъ дорожить:
Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ!

Акерманскія степи.

«Крымскіе сонеты» Мишкевича.

Выходимъ на просторъ степного океана.
Возъ тонетъ въ зелени, какъ челнъ въ равнинѣ водѣ,
Межъ заводей цвѣтовъ, въ волнахъ травы плыветъ,
Миная острова багрянаго бурьяна.

Темнѣетъ. Впереди—ни шляха, ни кургана.
Жду путеводныхъ звѣздъ, гляжу на небосводъ...
Вонъ блещетъ облако, а въ немъ звѣзда встаетъ:
То за стальнымъ Дифстромъ маякъ у Акермана.

Какъ тихо! Постоимъ. Далеко въ сторонѣ
Я слышу журавлей въ незримой вышинѣ,
Внемлю, какъ мотылекъ въ травѣ цвѣты колышетъ,
Какъ гдѣ-то скользкій ужъ, шурша, въ бурьянъ ползетъ.

Такъ ухо звука ждетъ, что можно бы слышать
И зовъ съ Литвы... Но въ путь!—Никто не позоветъ.

Чатырдагъ.

«Крымскіе сонеты» Мицкевича.

Склоняюсь съ трепетомъ къ стопамъ твоей твердыни,
Великій Чатырдагъ, могучій ханъ Яйлы!
О, мачта крымскихъ горъ! О, минареть Аллы!
До тучъ вознесся ты въ лазурныя пустыни

И тамъ стоишь себѣ у вратъ надзвѣздныхъ странъ,
Какъ грозный Гавріиль у вратъ святого рая.
Зеленый лѣсъ — твой плащъ, а тучи — твой тюрбанъ,
И молніи на немъ узоры ткуть, блистая.

Печетъ ли солнце насъ, плыветъ ли мгла, какъ дымъ,
Летитъ ли саранча, иль жжетъ гяуръ селеня,
Ты, Чатырдагъ, всегда и нѣмъ, и недвижимъ.

Безстрастный драгоманъ всемірнаго твореня,
Поправъ весь дольний міръ подножіемъ своимъ,
Ты внемлешь лишь Творца предвѣчныя вѣдѣнья!

Сивашъ.

Багряная печальная луна
Виситъ вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ съетъ
И надъ болотомъ красный сумракъ рѣетъ...
Ужъ поздно — и какая тишина!

Мнѣ кажется, — луна оцѣпенѣтъ:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣтъ...

Но меркнутъ звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣетъ
И въ ней луна столбомъ отражена.
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣетъ
И грустно въ воду смотрится она...

Поетъ комаръ. Тепло и гнилью вѣетъ.

Склонъ горъ.

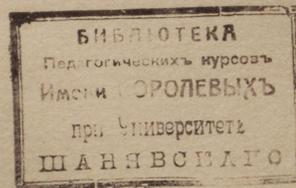
Склонъ горъ, сады и минареть.
Къ звѣздамъ стремятся кипарисы,
Спитъ море. Теплый лунный свѣтъ
Позолотилъ холмы и мысы.

И кротокъ этотъ свѣтъ: насталь
Чась мертвой тишины—ужъ клонить
Луна свой ликъ, ужъ между скалъ
Протяжно полуночникъ стонеть.

И замеръ аромать садовъ;
Узорный блескъ подь ихъ вѣтвями
Сталь угасать среди цвѣтовъ,
Сплетаюсь съ длинными тѣнями.

Передразсвѣтнй лунный свѣтъ
Чуть золотить холмы и мысы,
Свѣчей желтѣеть минареть,
Чернѣютъ маги кипарисы,

Блестя, ушелъ въ морской просторъ
Заливъ зеркальными луками,
Таинственно вершины горъ
Мерцають вѣчными снѣгами.

СОДЕРЖАНІЕ.

Содержаніе.

I. ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ СТИХ.

Въ рошѣ	7
Сиротка	8
Христя	9
На току	10
Няня	11
Въ Москвѣ	13

II. ИЗЪ IV ТОМА.

Изъ «Золотой Легенды»	17
Годива	21
Иерусалимъ	25
Слѣпой	28
На Плющихѣ	30
Пугачъ	32
Баба - Яга	33
Съ обезьяной	34

III. ИЗЪ III ТОМА.

Канунъ Купалы	39
Хризантемы	41
На ущербѣ	42
Въ порту	44
Русская весна	46

Старый домъ	48
Съ обрыва	49
На дачѣ	50
Золотой неводъ	51
Сѣверная береза	52
Вечернее зимнее солнце	53
Въ лѣсу	55
Рѣчка	56
Апрѣль	57
Изъ окна	58
Дѣтство	59
Разливъ	60
Подъ вечеръ	61
Розы	62
Сентябрь	64
У шалаша	65
Ольха	66
Въ плавняхъ	68
Олень	69
Змѣя	70
Послѣ дождя	72
На бѣлыхъ пескахъ	73
Пастухи	74

IV. ИЗЪ II ТОМА И ДР. КНИГЪ.

Изъ поэмы «Листопадъ»	79
Кондоръ	84
Въ Колизеѣ	85
Ракета	87
Съ кургана	88
Лѣсная дорога	89

Какъ флеромъ	91
Изъ сказки	92
Подъ парусомъ	93
Соловьи	95
Ковыль	97
Послѣдняя гроза	99
Костеръ	102
Не видно птицъ	104
Родина	106
Звѣзды	107
Бушуетъ полая вода	109
Въ Геосиманскомъ саду	111
Матери	113
Псаломъ жизни	115
Изъ «Новолунія»	117
Разсвѣтъ	118
Родникъ	119
Изъ «Вечерней молитвы»	120
Ночью въ юлѣ	124
Серпъ луны	125
Еще отъ дома	127
Сумерки	129
Долгій, сонный зимній вечеръ	130
Мать	132
Облако	134
Подсѣжники	135
Счастье	137
Акерманскія степи	139
Чатырдагъ	140
Сивашъ	141
Склонъ горъ	142

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

==== КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ДѢТЕЙ „УТРО“. ====

I. СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ: Леонидъ Андреевъ — Храбрый волкъ. И. Бунинъ—Стихи. И. Бѣлоусовъ—Стихи. Ц. Кюи—Весенняя гостя—Музыка. Н. Крашенинниковъ—Къ землѣ обѣтованной. С. Покровский—Материнство у животныхъ. А. Серафимовичъ—Мишка-Упырь. Скиталецъ—Современникъ Пушкина. П. Тудубъ—Стихи. Н. Тимковскій—Среди топей. Н. Телешовъ—Все проходитъ. А. Федоровъ—Стихи. Иллюстраціи.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к.

II. ДОРОГІЯ МѢСТА.

СОДЕРЖАНИЕ: Пушкинскій уголокъ. Васильевка. Въ Спасскомъ. Пушкинъ въ Гурауфѣ. Въ Остафьевѣ. На дачѣ А. П. Чехова въ Ялтѣ. Въ Мелиховѣ. Поѣздка на могилу Шевченка. Некрасовъ на охотѣ. На родинѣ Кольцова и Никитина. Абрамцево. Ясная поляна.

Со многими иллюстраціями. Цѣна 75 к., въ папкѣ 1 р.

КРЫЛАТЫЕ ДРУЗЬЯ.

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Изданіе 2-е. Съ иллюстраціями. Цѣна 25 к.

Н. ЗЛАТОВРАТСКІЙ.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ЮНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Съ портретомъ автора. Цѣна 75 к., въ папкѣ 1 р.

НИКОЛАЙ ПОПОВЪ.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Съ иллюстраціями.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ: Москва, Б. Никитская, д. 20,
книжный магазинъ „ЗВЕНО“.

Изданія т-ва „ЗНАНИЕ“ (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

И. Бунинъ. Томъ I. РАЗСКАЗЫ.

Изданіе третье.

==== Цѣна 1 руб. ====

И. Бунинъ. Томъ II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Кн. „Листопадъ“ (наград. Пушкинской Преміей Академіи Наукъ). — Кн. „Нов. Стихотвор.“—Стихотвор. 1902.

Изданіе второе.

==== Цѣна 1 руб. ====

И. Бунинъ. Томъ III. СТИХОТВОРЕНІЯ

1903—1906 г.

==== Цѣна 1 руб. ====

И. Бунинъ. Томъ IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стих. 1907 г.—Годива, поэма Теннисона.—Золотая легенда, Лонгфелло.—Каинъ, мистерія Байрона.

==== Цѣна 1 руб. ====

И. Бунинъ. Томъ V. РАЗСКАЗЫ.

==== Цѣна 1 руб. ====

Байронъ. МАНФРЕДЪ.

Переводъ И. А. Бунина.

==== Цѣна 40 коп. ====

ИЗДАНИЕ „ШИПОВНИКА“.

Байронъ. КАИНЪ.

Переводъ И. А. Бунина.

==== Цѣна 1 р. 50 к. ====

Изданія т-ва „ЗНАНІЕ“ (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТЪ.

Переводъ въ стихахъ И. А. БУНИНА. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около 400 иллюстрацій въ текстѣ; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ.

Цѣна 2 руб.

Дешевое изданіе. Портретъ Лонгфелло; около 400 рис. въ текстѣ, 22 рис.

Цѣна 80 коп.

Отзывы печати о переводѣ.

... „Во всемирной литературѣ немного есть эпическихъ произведеній, которыя по художественной красотѣ превосходили бы „Пѣснь о Гайаватѣ“... Переводъ исполненъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ“. (*Русск. Вѣдомости*).

„Лонгфелло принадлежитъ къ благороднѣйшимъ поэтамъ нашего вѣка. Въ Великобританіи онъ занимаетъ мѣсто въ ряду величайшихъ поэтовъ... Лучшая поэма его—„Пѣснь о Гайаватѣ“. Переводчикъ вполне успѣшно справился со своей нелегкой задачей, сумѣвъ сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабивъ его могучей образности, что очень рѣдко...“ (*Мірз Божій*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго поэта... Незаурядный переводъ г. Бунина сдѣланъ по подлиннику съ величайшей тщательностью, стихъ его легокъ и музыкаленъ, образы поэтичны, тонъ выдержанъ прекрасно...“ (*Сынъ Отчества*).

„Знаменитая поэма Лонгфелло дождалась, наконецъ, дѣйствительно талантливаго, а въ большой своей части и прямо образцоваго перевода, принадлежащаго перу нашего молодого беллетриста Ив. А. Бунина...“ (*Жизнь 1900 г.*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“ принадлежитъ къ крупнѣйшимъ жемчужинамъ мировой поэзіи... Переводъ И. А. Бунина положительно превосходитъ: онъ музыкаленъ, поэтиченъ, передаетъ вполне духъ подлинника и вообще очень близокъ къ нему...“ (*Діонео, Од. Листокъ*).

„Пѣснь о Гайаватѣ“—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя съ первыхъ же страницъ захватываютъ высокой и свѣтлой поэзіей. Г. Бунинъ далъ больше, чѣмъ хороший переводъ, онъ далъ произведеніе, отличающееся всею прелестью оригинала...“ (*Вѣстникъ Воспитанія*).

Переводъ награжд. Пушкинск. Преміей Академіи Наукъ.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просв. рекомендованъ въ учен. библ. средн. учебн. заведеній и включ. въ каталогъ книгъ безпл. библ. и читаленъ.